
ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

Заседание Российского общественного совета по развитию образования, 16 марта 2009 г., ГУ–ВШЭ

Мы публикуем некоторые материалы дискуссии, открывшей серию регулярных мероприятий РОСРО в 2009 г., на которых будут обсуждаться актуальные проблемы образования. В заседании приняли участие представители Администрации президента Российской Федерации, федеральных и региональных органов исполнительной власти, депутаты Государственной Думы, руководители образовательных и научных учреждений, представители общественных организаций.

Участники

Балыхин Григорий Артемович — доктор экономических наук, кандидат технических наук, председатель комитета по образованию Государственной Думы Федерального Собрания РФ;

Болотов Виктор Александрович — доктор педагогических наук, вице-президент Российской академии образования;

Бордовский Геннадий Алексеевич — доктор физико-математических наук, профессор, ректор Санкт-Петербургского педагогического университета им. А.И. Герцена;

Булаев Николай Иванович — доктор педагогических наук, профессор, руководитель Федерального агентства по образованию;

Духанина Любовь Николаевна — доктор педагогических наук, кандидат исторических наук, президент образовательного холдинга «Наследник», зампредседателя комиссии Общественной палаты РФ по образованию и науке;

Зверев Сергей Александрович — сопредседатель РОСРО, президент ЗАО «Компания развития общественных связей» («КРОС»);

Зернов Владимир Алексеевич — доктор технических наук, ректор Российского нового университета, председатель совета Ассоциации негосударственных вузов;

Клячко Татьяна Львовна — кандидат экономических наук, директор Центра экономики непрерывного образования Академии народного хозяйства при Правительстве РФ;

Кондаков Александр Михайлович — доктор педагогических наук, кандидат географических наук, профессор, генеральный директор ОАО «Издательство „Просвещение“»;

Кузьминов Ярослав Иванович — кандидат экономических наук, сопредседатель РОСПРО, ректор Государственного университета — Высшей школы экономики;

Левицкая Александра Юрьевна — заместитель министра экономического развития РФ;

Лившиц Владимир Борисович — секретарь ЦК профсоюза работников народного образования и науки РФ;

Поминов Андрей Иванович — кандидат физико-математических наук, заместитель министра образования и науки Республики Татарстан;

Рачевский Ефим Лазаревич — директор Центра образования № 548 «Царицыно» г. Москвы, член комиссии Общественной палаты РФ по образованию и науке;

Рязанцева Наталья Владимировна — доктор медицинских наук, профессор, проректор по стратегическому развитию и инновационной политике Сибирского государственного медицинского университета;

Ушаков Константин Михайлович — доктор педагогических наук, директор издательства «Сентябрь», главный редактор журнала «Директор школы»;

Федоров Игорь Борисович — академик Российской академии наук, доктор технических наук, профессор, ректор Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана;

Фурсенко Андрей Александрович — доктор физико-математических наук, министр образования и науки РФ;

Черторицкая Татьяна Владимировна — кандидат филологических наук, председатель общероссийской общественной организации «Женский конгресс».

Ведущий — Рачевский Ефим Лазаревич

Рачевский Е.Л.

Многие задавали вопрос, почему собираемся сейчас — весной, что это за время. Я только очень коротко. Обострение действительно есть. Многие из нас помнят о влиянии РОСПРО на образовательную политику в стране, и в нынешние обостренные времена оно как никогда актуально. Сегодня здесь собрались представители общественных организаций, парламента нашего, правительства, бизнес-сообщества, профессионального сообщества. И регламент у нас будет следующий: доклад Ярослав Иванович Кузьминов сделает, повестка дня у всех на руках, потом выступления до 10 минут — тех, кто себя заявил заранее. Ну а потом, я полагаю,

мы проведем небольшую дискуссию. И очень бы хотелось, чтобы после завершения работы было конкретное решение, а мы все помним, что решения РОСПО всегда были конструктивными и позитивными, много полезного сделали для отечественного образования. Вот такое краткое вступление пойдет? Ярослав Иванович, пожалуйста.

Кузьминов Я.И.

Спасибо. Уважаемые коллеги, я, честно говоря, не хотел возобновлять деятельность РОСПО со своего доклада, не совсем мне кажется это правильным, но, тем не менее, коллеги, когда обсуждали, с чего нам начинать в этом году, как-то единогласно решили, что у нас есть ключевая проблема — проблема того экономического кризиса, который на самом деле только начал в мировой экономике разворачиваться, и последствия его для образовательной системы.

Мы далеки от убеждения, что сегодня мы с вами назовем все факторы, все эффекты этих процессов, но было бы полезным провести такой широкий разговор и положить начало обсуждению этого вопроса в обществе. Он довольно широко обсуждается в экспертном сообществе, есть записки, которые направлялись в правительство, президенту, и совершенно очевидно, что и социальная сфера, и система образования — как наиболее, скажем так, экономически активные элементы этой социальной сферы — уже начали достаточно болезненно реагировать на те изменения, которые происходят в экономике. Причем это реагирование идет по двум линиям. Во-первых, это экономический спад сам по себе, который выражается в уменьшении платежеспособного спроса предприятий, в кризисе на рынке труда, где ажиотажный спрос на квалифицированную рабочую силу, на людей с дипломами, который у нас был больше 10 лет, сменился впервые для нашей экономики — и мы забыли уже, как это было, — падением и образованием структурной безработицы в секторе наиболее довольных жизнью, наиболее устремленных к карьере людей, именно «белых воротничков» Москвы и Питера. Это спад спроса предприятий на подготовку и переподготовку, это разрушение надежд на создание цивилизованного благотворительного движения в нашем образовании. Только-только, если вы помните, мы стали говорить об эндаументах — и вот вам Юрьев день.

То есть вот такая резкая смена экономического окружения — не могу сказать, что она уже послужила шоком для образования, шока пока нет, но есть ощущение нарастания серьезных изменений. И представители нашего цеха уже предложили и предлагают самые разные рецепты выхода из этого дела.

Второе направление воздействия кризиса на образование — это, разумеется, кризис бюджетной системы. Для России это фактор не меньший, а наверное, равнопорядковый с экономическим кризисом. Бюджет, который был рассчитан, я напомним, из цены нефти 95 долл. за баррель, мы вынуждены секвестировать сейчас

на 20–30%. Да, это секвестирование применительно к образованию и здравоохранению выглядит не так разрушительно. Насколько я помню, Андрей Александрович, мы обошлись пока 10%. Вот я считаю, что мы должны присутствующего здесь Андрея Александровича Фурсенко поблагодарить за это, потому что мне кажется, что это один из самых низких уровней секвестирования. Но надо отчетливо понимать, почему мы вышли на такой низкий уровень секвестирования. Потому что подавляющее большинство наших денег — это деньги зарплатные, это деньги стипендиальные, это коммуналка, т.е. так называемые защищенные статьи, но вы прекрасно понимаете, коллеги, что все эти деньги, которые мы потом и кровью добывали у Министерства финансов на развитие, они пошли под секвестр. И это вовсе не только стройки, это еще и программы — программы развития, которые социальная сфера выбила за последние два-три года. То есть это очень серьезная проблема, даже на федеральном уровне мы можем серьезно рассматривать перспективу остановки, замораживания программ развития, ресурсов развития нашего образования. Но если мы спустимся на один уровень — на регионы, а может быть, на два уровня, до муниципальных образований, мы увидим там гораздо более опасные тенденции: ряд муниципальных образований потерял до половины своих бюджетов. И вовсе не все эти деньги могут быть компенсированы увеличивающимися федеральными трансфертами. В этом отношении наша задача — внимательно посмотреть на то, что делается с общеобразовательной школой, что делается с дополнительным образованием школьников, что делается с системой профессионально-технического образования, обучения базовым квалификациям исполнителей.

Вовсе не все факторы, о которых я говорю, негативные. Всегда бывает так, что для той или иной сферы есть и позитивные изменения, которые на фоне общего кризиса дают этой системе новые возможности.

Что это за факторы применительно к системе образования?

Первое — это выигрыш за счет того, что мы с вами наполовину бюджетная сфера. Бюджетники имеют возможность сегодня более уверенно смотреть в будущее. Это не только бóльшая гарантированность доходов по сравнению с доходами рыночными, это еще и относительный рост заработной платы по отношению к съевшимся заработным платам коммерческого сектора. Сейчас для системы образования, по крайней мере для целого ряда образовательных учреждений, есть замечательная возможность найти людей, которых они так долго ждали и не могли получить с рынка труда, пригласить этих людей, если только принимать правильные инвестиционные решения. Потому что, конечно, ключевая инвестиция в образование — это инвестиция в человеческий капитал.

Второй, если хотите, фактор, который мы можем рассматривать как позитивный, — это воздействие антикризисных программ для рынка труда. Сегодня правительство не может уже относиться к регулированию рынка труда так, как оно делало это в разных

странах в середине XX в. Вот один из вопросов, который обсуждался: первое, что приходит в голову для преодоления безработицы, — общественные работы. Попытались заниматься общественными работами, провели опрос. Подавляющее большинство муниципалитетов знаете какие работы могло предложить? 6000 руб. в месяц — уборка территории. Отвечает такого рода общественная работа запросам людей, которые потеряли заработок в 90 000 руб. в месяц и имеют некоторую задолженность? Пока нет. И слава богу, что пока нет. Потому что не дай нам бог с этими людьми дойти до состояния, когда они на эту работу будут готовы. Я боюсь, что такого рода готовность будет обратной стороной готовности их к ряду, скажем, резких социальных действий, в которых мы вряд ли заинтересованы как страна, уже прошедшая через ряд сильных социальных потрясений в последний век. Я думаю, что рациональный ответ на проблемы рынка труда — это, конечно, вложение в переподготовку. Министерство выдвинуло модель опережающей переподготовки — с расчетом на то, что понадобится на выходе из кризиса, но формы этой опережающей переподготовки, которую общество и правительство готовы финансировать, сейчас не определены, никто не знает, что будет нужно завтра, какие пропорции сложатся в международном разделении труда. Например, в США автомобильная отрасль будет существовать в 2012 г. или нет? Это вполне серьезный вопрос. Пока они считают, что да, как вы знаете. Но это вовсе не обязательно так. Делая сейчас те или иные вложения, те или иные заказы на подготовку людей по передовым технологиям, нам следует ориентироваться не только на складывающиеся дефициты на сегодняшнем рынке труда, нам надо ориентироваться в первую очередь не на структуру образовательных услуг, а на качество этих образовательных услуг, на качество этих компетенций. Это, пожалуй, самое главное для того, чтобы нам сейчас не ошибиться при вложении тех ограниченных ресурсов, которые у общества остались для такого рода опережающей подготовки.

Вот, если хотите, те факторы, которые довлеют над образованием. И я очень коротко, поскольку проект нашего доклада вам роздан, его можно почитать, покритиковать и дописать, остановлюсь на воздействии кризиса на те или иные сектора образования.

Первый сектор, с которого традиционно начинают, это дошкольное образование. Вообще кажется, что никакого воздействия не будет. Это неактуальный сектор, я сам даже так подумал. Потом, когда мы стали считать, получилось следующее: нам нельзя рассматривать дошкольное образование и воспитание как сектор, где «работают детские сады — и точка». Это сектор, в котором работают семьи. Семьи — это главный социализатор. И частично высвобождение людей, высвобождение женщин, вторых работников в семье, которое сейчас идет в ряде секторов, может в принципе послужить позитивным фактором в социализации и воспитании детей. До какой степени? Не очень сильно, потому что, конечно, дома будут сидеть не люди с наиболее высоким уровнем образования, которые способны заместить образовательные учрежде-

ния, домашнее образование. Тем не менее определенный серьезный вклад в повышение качества человеческого капитала это последствие кризиса нам даст. И нам можно, ну, по крайней мере с открытыми глазами к этому относиться.

Второе — это возможное воздействие некоторого уменьшения финансирования детских дошкольных учреждений. В ряде регионов субсидии семьям на финансирование детских дошкольных учреждений, на финансирование питания детей, грубо говоря, составляют 500–700 руб. Нам здесь кажется, в Москве, что деньги небольшие. А для семей с низким уровнем дохода — 8–10% их дохода. И государству, по всей видимости, нужно подсказать, что там, где в местном бюджете не хватает денег для этого, эти деньги в рамках антикризисных мер (это не очень большие деньги) имеет смысл все-таки предусмотреть.

Второй сектор — это школа. Очевидный риск для школы — это сокращение бюджетного финансирования. В ряде регионов оно уже началось. Причем это сокращение идет по двум линиям. Первая, которая обсуждается и которой, в общем, противостоят деятели образования, — это сокращение тех надбавок и доплат, которые идут из региональных фондов. Такого рода надбавки и доплаты образуют некоторую часть финансирования лучших учителей, и потеря этих денег не критична: учителя из школы не уйдут. Тем не менее это, конечно, неприятно в долгосрочной перспективе утраты тех позиций, которые мы благодаря национальным проектам, благодаря усилиям последних лет имеем в области школы, когда резко стал расти социальный статус учителя. И это не пустые слова: кто сталкивался с региональными системами образования, тот знает, что в ряде регионов на 75% выросли реальные заработки учителя. Это совершенно по-другому теперь позиционированный человек. И если мы это начнем терять, то надо подумать, не слишком ли велика цена утраты этого для развития нашего общества в целом. Но это как бы вещь, которая на слуху.

Есть второе направление воздействия бюджетного кризиса, и оно менее на слуху. Это секвестры, которые проводятся по линии региональных программ развития образования, по линии программ поддержки информационных технологий. Это фактически останавливает в ряде регионов то преобразование школы, которое началось. И самое страшное, что это сжимание примерно затрагивает четверть региональных бюджетов на образование, оно ведь у нас совпадает с началом внедрения новых стандартов. То есть мы практически школу оставляем без методической поддержки, без минимально необходимых ресурсов на этапе внедрения новых программ. Это очень опасно. И мне кажется, что нам имеет смысл об этом четко сказать, посчитать, сколько ресурсов все-таки нужно для внедрения этих программ в школе, и сделать эти статьи и защищенными, и поддерживаемыми со стороны федеральных бюджетов.

Позитивный фактор, и я о нем уже сказал, — есть возможность привлечь новые кадры, квалифицированные кадры, которые вы-

свобождены на рынке труда. При этом я бы не стал говорить о том, что мы сейчас хорошего профессионала-историка в школу приведем. Я думаю, что Рачевский может привести, но он наверняка уже и привел. А вот массовый директор, наверное, не приведет, и это более реально. Но школа сможет в этот кризисный и послекризисный период более реально конкурировать за лучших выпускников педвузов, которые идут сейчас куда угодно, а не в школы. Более реально конкурировать за лучших выпускников классических университетов, которые ведь тоже идут куда угодно, но не в школу. Вот этот рынок школа может себе вернуть. И такого рода возможность требует адекватной поддержки со стороны органов управления образованием — и подталкиванием, и советом, и, может быть, созданием некоторых нормативных условий (каких — давайте обсуждать), которые заставили бы руководство школ, руководство районных органов управления образованием всерьез заниматься кадровым обновлением школы в это время. Нельзя упускать эту позитивную возможность. Не так много у нас с вами позитивных возможностей в 2009 г.

Следующий сектор, на котором бы я хотел остановиться, — это дообразование школьников. На мой взгляд, это самый опасный сектор образования, который сейчас у нас есть. Дообразование школьников де-факто в основном финансируется семьями, где-то, где муниципалитеты активные, все больше и больше в последние пять лет муниципалитет доплачивает. На сегодняшний день это — главный кандидат на сокращение. У нас есть уже несколько сигналов, что в конкретных муниципалитетах средства на поддержку тех или иных кружков либо секвестрируются полностью, либо первые в повестке дня стоят. Понимаете, у нас школа мощная, но она очень унифицированная. Если мы рассматриваем систему общего образования, все-таки нам надо рассматривать школу вместе с кружками, вместе со школами юных, вместе с секциями разными. Если мы этим сейчас поступимся — причем средства для системы образования сильно небольшие, даже в масштабах тех денег, которые у нас есть, — мы рискуем настолько обрушить неожиданно для себя качество предвузовской подготовки школьников, что потом будем очень долго чесаться, думать, как же это мы так ошиблись.

Система начального и среднего профобразования. Стандартное видение: вот сейчас люди туда пойдут, все ужимается, синица в руке лучше, чем журавль в небе, журавль в небе улетел или издох. В общем, по тем оценкам, которые мы провели, мы не можем с вами ожидать в 2009–2010 г. сколько-нибудь серьезного роста спроса на традиционные услуги, не можем почти ни в одном регионе. Почему? Два фактора. Во-первых, демографический — сокращение возрастной когорты. На этом фоне мы заморозили места в вузах. Вот это деяние приведет даже тех людей, которые в принципе могли бы пойти в техникум, могли бы пойти на короткую профессиональную программу, в стены вуза, потому что нельзя не учитывать подавляющего стремления 85% российских семей дать ребенку высшее образование во что бы то ни стало. Вот ликвида-

ция любого дефицита в области высшего образования очень тяжело скажется на качестве контингента, который сейчас будет идти в техникумы и профессиональные колледжи, профессиональные лицеи. Никакого ренессанса здесь не ожидается.

С другой стороны, есть и позитивные факторы. Это в первую очередь короткие программы профессиональной подготовки, которые выросли сегодня в два-три раза по ряду регионов, которые активно заказываются органами занятости, у которых есть с ними взаимодействие на локальных рынках. В каких-то случаях это на базе существующих колледжей делается, в каких-то случаях — на базе сети, принадлежащей службе занятости или с ней ассоциируемой. На мой взгляд, это неважно. То есть нам не надо держаться за сохранение той сети, которая есть. Процесс замещения традиционных многолетних программ начальной профессиональной подготовки короткими программами, ориентированными только на получение актуальной для рынка труда квалификации, — безусловно позитивный. Но нам надо это подталкивать и ни в коем случае не сбиться, хотя очень большое давление: «Давайте поддержим нашу сеть!» Не надо сеть поддерживать. Мы столько говорили о том, что ее надо структурировать. Давайте хотя бы эту сеть будем продолжать оптимизировать теми же темпами, а может быть, более возрастающими темпами по сравнению с предшествующими годами.

Наконец, последнее — это высшее образование. Оно, наверное, привлекает к себе сейчас 90–95% внимания общества в связи с кризисными явлениями. Именно в сфере высшего образования у нас существует большое количество рецептов, которые сейчас озвучиваются, разного рода «перепелиных яиц»: съешь перепелиное яйцо — сразу от всех болезней выздоровеешь. Такого рода «перепелиными яйцами» является призыв сейчас всех перевести на бюджет, призыв увеличить обучение на год, т.е. забыть бакалавриат, всех перевести с «четверки» на «пятерку», давайте сейчас всех зачислим в магистратуру, а лучше — в аспирантуру и т.д. Второе «перепелиное яйцо» — это рассмотрение высшего образования как просто резервуара для людей, которые никуда не попали. Да, проблема есть, и ваш покорный слуга тоже говорил свое мнение об этом, и ряд других экспертов тоже выступали с разными оценками, колеблющимися от 10% выпуска до 50%. Ну, 50% — это применительно только к очникам говорилось, поэтому от 10 до 25%. Но это огромные цифры, это сотни тысяч человек, которые могут не найти себе применение на рынке труда. И такого рода ситуация, конечно, подталкивает людей, которые отвечают за состояние социального мира в стране: «Давайте поддержим все вузы!» Причем следующий шаг еще один: если человек должен просто в вузе перекаптоваться, зачем мы будем такие деньги за это платить, давайте поддержим еще, минимально затрачивая на это деньги. Опуская таким образом планку пребывания людей в вузе, мы забываем о том, что мы их можем в спортивный лагерь за эти деньги послать. Но в вузе-то люди должны обучиться. Мы столько слов уже сказа-

ли — совершенно справедливых — о том, что наше высшее образование нуждается в очень серьезной структурной перестройке, в отсечении псевдообразования, о том, что мы получаем зарплатную премию в 1,5–2 раза ниже по разным профессиям, чем наши коллеги за рубежом за высшее образование. И если мы на этом фоне пойдем по пути нескольких такого рода простых решений, «перепелиных яиц», как я их называю, мы нанесем очень большой урон не просто системе образования, а нашей экономике в целом. Сейчас в ведущих странах человеческий капитал, интеллектуальный капитал занимает всю большую и большую долю ВВП, и так будет на протяжении нашей с вами жизни и, может быть, дальше. Мы хотим выбыть из БРИКа? Ну, такие шансы у нас будут — с такого рода отношением к качеству образования, как сейчас получится в результате реализации ряда тенденций, которые не просто прослеживаются — они объявляются, они объявляются в виде решений. Мне кажется, что это очень, еще раз говорю, опасно.

Вот я сказал бы о трех рисках. Первые два я назвал. Есть третий риск. Третий риск — это проблема взять всех на бюджет. У нас есть половина, как вы знаете, коммерческих студентов, и нужно облегчить этим людям возможность обучения, если они потеряли деньги. Вы знаете, кто потерял деньги? Я лично не очень знаю, кто именно потерял деньги. Полагаю, что это вуз знает. Вуз это тоже не всегда знает, к сожалению. Единственным критерием перевода коммерческих студентов на бюджет должно всегда оставаться качество. Если человек хорошо учится, успевает, и он по случайности не попал на бюджетные места, конечно, его надо переводить на бюджет, если человек две сессии сдал на «пятерки». Мы это давно делаем. И я думаю, что присутствующие здесь вузы, представленные ректорами — они за себя скажут, — наверняка тоже. Потому что вуз не только деньги зарабатывает, он зарабатывает репутацию: «Не дай бог, такой человек от нас уйдет».

Что можно прогнозировать объективно? Мы предсказываем сокращение платежеспособного спроса на программы высшего образования до 30% для абитуриентов 2009 г. и до 15% уже обучающихся студентов, т.е. они выйдут, не смогут по разным причинам платить. На это наложится волна демографического спада, а это 10% в этом году и около 8% в 2010 г. И на фоне этих процессов вообще идет перераспределение студентов между вузами. Вот это перераспределение студентов последние три-четыре года шло в правильном направлении, т.е. и работодатели стали различать вузы с хорошим качеством, поменялось отношение, и у семей то же самое — поменялось к этому отношение. Если мы этот процесс сейчас затормозим или остановим, я боюсь, мы просто нанесем большой ущерб качеству отечественного высшего образования.

Мы выделили четыре группы вузов в зависимости от воздействия на них кризиса. Первая — это группа, которая проваливается. Это наиболее слабые вузы, вузы, которые потеряли все научные школы, которые не ведут исследования вообще, которые не смог-

ли найти свою нишу на рынке, у них за два года произойдет сокращение контингента до 50%, по нашим расчетам, в том числе и за счет сокращения спроса на бюджетные места в этих вузах. Эти вузы просто потеряют жизнеспособность, причем под угрозой окажется возможность завершить обучение старших курсов на уровне государственных стандартов. Политика, которую мы можем рекомендовать в отношении этих вузов, — просто присоединять их к более сильным, если эти сильные согласятся взять их под свое крыло, под свой бренд. К этой группе относятся от трети до половины всех филиалов, в том числе и филиалов государственных вузов, и до 70% работающих негосударственных вузов, а также 100–150 наиболее слабых государственных вузов.

Вторая группа риска, противоположная, — это наиболее эффективные вузы, в которых внебюджетная составляющая превышает две трети бюджета. Эти вузы рискуют потерять до 30% доходов от внебюджетных студентов и до 50% доходов от заказов НИОКР от предприятий. К этой группе сегодня относятся 25–30 ведущих технических университетов России, а также ряд классических и экономических университетов, по нашей оценке, порядка 50% ведущих вузов. Этим вузам, очевидно, надо помогать, в первую очередь за счет замещения потерянных доходов государственными средствами.

Группа вузов ведущих пострадает, но выживет с этим постраданием. Я могу назвать Московский университет, Петербургский университет, Бауманку, вуз, в котором вы находитесь, я думаю, Финансовую академию. Здесь логика какая? Во-первых, это вузы с сильной диверсификацией источников доходов, они имеют особую государственную поддержку, и так сложилось, что это наиболее брендовые вузы. МГИМО. Все равно богатых людей на группу первой десятки хватит. А на остальные 90 из группы ведущих вузов уже не хватит.

И наконец, самое печальное: кто еще не пострадает. На мой взгляд, не пострадает группа вузов, которые торгуют дипломами откровенно. Знаете почему? Потому что ни один нормальный вуз их студентов как своих студентов просто не будет рассматривать, потому что там просто уже люди нашли друг друга за 15–20 тысяч рублей. Такого рода группа вузов у нас останется, потому что их контингент, может быть, и уменьшится, но он больше никому не нужен. Это не имеет никакого отношения к образованию, это просто приобретение диплома.

И наконец, трудоустройство выпускников. Очень большая группа выпускников, скорее всего, в этом году не найдет постоянной работы. Это может быть где-то от 10 до 25% всего контингента, это сотни тысяч человек. И конечно, решение по их трудоустройству нам надо искать. Но, на наш взгляд, оно не должно быть ни в коем случае пародией на магистратуру и пародией на аспирантуру. Очень легко низвести до уровня анекдота то, во что мы долго вкладывались, но вывести это потом из уровня анекдота будет сложно. Давайте просто предлагать этим людям программы до-

полнительного образования, субсидируемые государством на 50–70%, но пусть это не называется так, что эти люди будут уравнены с теми, кто строит свою карьеру на том, чтобы заниматься наукой. Ошибка в этом отношении нам грозит очень многим. Спасибо.

Клячко Т.Л.

Уважаемые коллеги, во-первых, я благодарю всех присутствующих за возможность здесь выступить. Я не буду особо комментировать то, что написано в записке, которая роздана, и сосредоточусь на тех мерах, которые Ярослав Иванович уже окрестил как «перепелиные яйца», которые помогают во всех случаях жизни. Мне представляется, что те «перепелиные яйца», о которых я хочу говорить, помогают в конкретных случаях и, может быть, не являются «перепелиными». На мой взгляд, основной проблемой, которая сейчас требует обсуждения, является огромная зависимость системы высшего образования и среднего профобразования от платных студентов. Это в вузах 66% и в ссузах 28%. Я говорю не только о государственных, я говорю и о негосударственных вузах. Это очень большой контингент, который в настоящее время находится, скажем так, под боем. Да, возможно, не пострадают самые ведущие вузы, но, тем не менее, мы не можем с точностью предсказать, как будет развиваться ситуация в большей части высшего образования. И второе — это зависимость экономического положения вузов от небюджетных средств. На мой взгляд, это важно именно в ситуации, когда мы должны сохранить систему высшего образования.

Отсев из вузов платных студентов — это потенциальный рост безработицы в условиях кризиса, опасность криминализации молодежной среды и всякие такие неприятные последствия. С другой стороны, мне представляется, что вот эти последствия могут быть преувеличены. Почему? Потому что люди, которые учатся, и люди, семьи которых нацелены на то, чтобы дети получили высшее образование, скорее всего, останутся в системе высшего образования, но произойдет снижение качества образования, поскольку этот контингент будет опускаться вниз по лестнице высшего образования. Те, кто не сможет обучаться в тех вузах, которые они выбрали, и платить за это обучение, не пойдут на улицу пополнять ряды безработных, они пойдут в вузы значительно более низкого качества, и это позволит им, во всяком случае, реализовать свою интенцию на получение высшего образования, и, как мне представляется, это будет не только диплом. Таким образом, если мы не предпринимаем усилий по сохранению этого контингента в тех вузах, в которые они поступили, то мы, вообще говоря, обрекаем систему высшего образования на снижение качества.

На что я еще хочу обратить ваше внимание? Вот это та тенденция, которая уже сложилась в системе высшего образования. В последние годы рост бюджетного финансирования высшего образования привел к тому, что платежеспособный спрос уже стал смещаться в сторону не очень качественного высшего образования.

Теперь вопрос о том, чтобы задержать людей, вообще говоря, в системе образования. Использование системы образования как «социального сейфа» характерно не только для сегодняшней ситуации, его смысл выражается очень простыми словами: лучше строить школы, чем тюрьмы. Соответственно мне представляется, что лучше предлагать в качестве «социального сейфа» школу в широком понимании этого слова, чем тюрьму. Теперь говорят, что кризис приведет к тому, что молодежь пойдет в армию. Мне кажется, что эти два альтернативных школе «сейфа» несколько менее приемлемы с социальной точки зрения.

Мы все время говорим о мониторингах ситуации. И когда я открываю различные проекты, то, по-моему, мониторится уже все, что только можно мониторить. И это уже стало абсолютно неэффективным с точки зрения управления, потому что управленец, имея кучу мониторингов, не может принять решение. Так вот мне представляется, что сейчас мы должны сосредоточиться на мониторинге некоторых особых объектов. Дело состоит в том, что уже в 2007–2008 г. выявились неблагополучные регионы, в которых нетрудоустройство выпускников вузов очной формы обучения зашкаливало по сравнению со среднероссийским уровнем. Вот здесь для примера выписаны некоторые такие регионы. В среднем нетрудоустройство выпускников вузов составляло 6%, в Липецкой области — 13%, в Тверской — 15%, в Тульской — 16%, в Республике Адыгея — 23%, я дальше не буду перечислять. Есть еще регионы, где накладывается нетрудоустройство выпускников вузов и ссузов, и вот эти регионы, на мой взгляд, заслуживают еще более серьезного внимания по той простой причине, что там угроза молодежной безработицы будет очень велика.

Соответственно в этих регионах мне представляется существенным использовать вузы в качестве «социального сейфа». И если есть угроза роста безработицы, сохранить в них контингент различными программами — допобразованием, удлинением срока обучения. Я не говорю о том, что нужно развивать плохие магистерские программы, мне это кажется, вообще говоря, сомнительным, потому что наша высшая школа сейчас не очень готова к магистерским программам. Но что-то наподобие этого, и об этом надо думать, мне кажется очень и очень важным. Спасибо за внимание.

Кондаков А.М.

Последствия мирового финансового кризиса, естественно, ставят под угрозу прежде всего организационно-экономическую базу системы образования. И это очень серьезная угроза, о которой подробно и внятно было сказано в выступлении Ярослава Ивановича. Предложенные подходы позволяют нам оценить соответствующие риски, а также представить возможные меры по минимизации ущерба и скорейшему выходу из кризиса в организационно-экономической сфере. Однако этим аспектом риски кризиса для российского образования и общества в целом не ограничивают-

ся. Организационно-экономический провал в российском образовании всегда был и остается прежде всего системной угрозой для его содержания, для реализации основной миссии российского образования и для стратегии российской государственной образовательной политики. Мы хорошо с вами помним, что в условиях экономического хаоса 1990-х, когда образование финансировалось по остаточному принципу, под ударом в первую очередь оказалось целеполагание образовательной системы. И образование едва не утратило свое основополагающее для России качество — качество наиболее важного стратегического ресурса, цивилизационного лидерства нашей страны.

За последние несколько лет экономической и политической стабильности мы смогли кардинально изменить парадигму государственной образовательной политики, от латания дыр страна перешла к стратегическому проектированию российского образования. И стержнем этого проектирования стали концепция модернизации образования, национальный проект «Образование», системная работа над федеральными государственными образовательными стандартами всех уровней и решение задач, которые были поставлены в посланиях президента с 2004 по 2008 г. и в других документах. Поэтому, с моей точки зрения, главным риском, связанным с последствиями мирового финансового кризиса, для России становится риск утраты стратегической инициативы в образовательной политике. Замедление финансирования тех или иных проектов может давать весьма болезненные результаты, но это раны, которые можно залечить. Утрата темпов перехода на новые образовательные стандарты, отказ от государственной политики в сфере образования, основанной на понимании образования как главного ресурса социокультурной модернизации страны, ресурса мирового лидерства России, — вот это могло бы стать безвозвратной потерей для процессов модернизации и развития России как ведущей державы третьего тысячелетия.

Что такое кризис? Суть политики в условиях кризиса — не потерять. Кризис — это открытие новых возможностей и путей, возможность расширения влияния и укрепления статуса. Кризис не может и не должен остановить процесс модернизации образования, исключить его из национальной повестки дня, подменив набором антикризисных мер.

Другое дело, что уроки кризиса могут многое поменять в образовательной политике. Мы должны четко осознавать, что современное образование — важнейший ресурс послекризисного восстановления и развития российской экономики. Я вам напомню, что Академия педагогических наук РСФСР была создана в 1943 г. — сразу после Сталинградской битвы. И она была призвана решить задачи послевоенного восстановления экономики Советского Союза и лидерства СССР в научно-технической революции. Эти задачи тогда были решены.

Поэтому, если говорить о России после кризиса, конечно, она выйдет из него уже другой, и будет другой экономика, будут домини-

нирывать средний бизнес и бизнес чуть выше среднего. Сегодня пока еще мы живем в условиях крупного бизнеса. В послекризисный период важнейшим вопросом будет человеческий потенциал — не капитал, а потенциал развития: это не одно и то же. И необходимо уже сегодня формулировать требования к системе образования, которая отвечает новому социальному запросу.

Введение новых стандартов — лишь первый ответ на вызов времени. И от того, как система образования пройдет этот первый этап, зависит будущее страны. Таким образом, образование — один из ключевых элементов не только преодоления кризиса, но и послекризисного развития.

В этом отношении какие социально-экономические риски можно обозначить, при преодолении которых образование призвано сыграть ключевую роль?

Первое — это уровень жизни. Бедность, невозможность получить качественное образование, работа не по специальности и т.д. Второй риск — это профессия, карьера, нацеленность на жизненный успех, креативность, творчество. Третье — это профессиональная среда. В этом отношении уже как руководитель бизнеса могу сказать, что для нас сейчас очень важны такие качества личности, как индивидуализм, этика бизнеса, доверие, чувство команды, контактность, обязательность, ответственность, уважение чужих достижений, социализация личности, гражданская самоидентификация, этика социальных взаимодействий, уважение к традициям, толерантность и т.д.

Я хочу обратить ваше внимание, что, говоря о ключевых социальных рисках, мы прежде всего говорим о ключевых компетентностях современного человека, которые могут быть сформированы только в системе образования. В этом отношении должен сказать о том, что сама семантика слова «образование» основана на смысле «образ». И российское образование предполагает передачу следующим поколениям некоторого образа человека, культуры и государства. Образование без образа не может существовать, иначе молодежи будут передавать только обрывки, несвязанные фрагменты знаний, бесполезных в жизни. Это будет не образование, а осведомленность.

Очевидно, что образование было, есть и будет процессом идеологическим, поскольку формирование образа, который будет транслироваться младшим поколениям, происходит посредством идеологических представлений. Идеология, какой бы она ни была, всегда присутствует, она формирует образ. Поэтому, говоря об образовании, мы прежде всего должны говорить о фундаментальной проблеме образа. Наше поколение фактически утратило или не создало образ, который мы должны транслировать нашим потомкам. В 1990-е годы начался процесс замены советского образа заимствованным образом либерально-демократического типа. Общество отторгло этот образ, так и не поняв, какую модель ему пытались навязать. Разрушив традиционные нравственные системы, общество 1990-х не создало новых. И когда мы говорим о пра-

вовом нигилизме, необходимо помнить, что в основе права лежат институты морали, которые также были разрушены. И я уверен, что предложенная сейчас высшим руководством страны модель возрождения России на базе традиционных национальных российских ценностей наиболее продуктивна. Но формирование этой модели невозможно без нескольких фундаментальных вещей: переосмысления российской истории, формирования системы российских ценностей и четкой формулировки идентичности российского народа. Но для этого необходимо решить еще одну серьезную задачу — это подготовка учителя. А на сегодняшний день, к сожалению, готовя учителя, мы, как правило, смотрим на него как на предметника. А мы должны в первую очередь говорить о формировании человека, который транслирует систему ценностей, этот образ России будущим поколениям.

И еще один важный вопрос — это, конечно, педагогическая наука. Сегодня, как и в 1943 г., мы должны поставить вопрос о коренном реформировании педагогической науки, о приведении ее в соответствие с требованиями сегодняшнего общества, сегодняшнего образования. Спасибо.

Бордовский Г.А.

Я, естественно, приехал, увидев слова «Образование в условиях кризиса», поскольку это то, чем мне приходится заниматься ежедневно и в своем кабинете, и встречаясь со студентами, с преподавателями, и просто размышляя. И я вижу три сюжета в этой проблеме.

Первый очевиден: это как кризис повлиял и влияет на систему образования, об этом сказал Ярослав Иванович очень хорошо. Вторая очевидная вещь — как можно противостоять этому кризису внутри самой системы, т.е. для сохранения самих себя и для нивелирования последствий кризиса для общества.

А вот третий сюжет — он менее очевиден, но мне кажется, когда мы собираемся таким составом, то очень важно было бы понять роль системы образования в выходе из кризиса. Потому что мы не сможем помочь выходу из кризиса, когда кнопку нажмут: вот сегодня мы начинаем выходить из кризиса. Система образования всегда запаздывает, и поэтому сегодня, если мы видим в системе образования, как говорил Александр Михайлович, помощника в выходе из кризиса, то мы должны понимать, куда, в каком направлении мы будем выходить из кризиса. Исследования, проведенные под руководством Ярослава Ивановича, показали, что 50% выпускников высших учебных заведений работают не по специальности у нас в России. Вот для меня те, которые работают по специальности, не представляют большого интереса. Ну да, их обучили, они пришли на рабочее место, они работают по специальности. Когда идет кризис, можно задать вопрос: а как работают те, которые не по специальности, но оказались успешны, встроены в систему и обеспечивают собственную значимость в этой новой для себя работе? Потому что в условиях кризиса всем приходится работать, по-моему,

так, как приходится работать тем, кто решил работать не по специальности. И вопрос заключается в следующем: а собственно, за счет чего эти люди работают не по специальности успешно? Что в нашей системе такого, что дает им эту возможность? Потому что, если мы найдем ответ на этот вопрос, тогда мы сможем понять, как нам перестроить содержание нашего образования и подходы к образованию профессиональному — с тем, чтобы люди, выходя в эти неопределенные условия, были успешными.

Здесь имело бы смысл серьезно подумать над тем, что это время — период выхода из кризиса, — по-моему, лучшее время для того, чтобы нам наконец перестать разговаривать о Болонской системе и начать реализовывать главные принципы Болонской системы: новые образовательные технологии, которые позволяют готовить человека с активной жизненной позицией, самостоятельно решающего свои задачи и ответственного за то, что он делает. Это один из таких моментов, которые, мне кажется, необходимо видеть и использовать, и это будет способствовать подготовке специалистов, которые будут адаптироваться гораздо лучше на этом рынке.

Второй вопрос: я бы хотел обратиться к словам, которые сказал Владимир Владимирович Путин, общаясь с горняками в Кузнецке. Он сказал, что такого количества металла, которое может наша страна произвести, сегодня внутри страны потребить нельзя. Дорогие коллеги, кто жил в советское время, помнит, что самый большой дефицит у нас был — это металл, его все время не хватало. Вопрос: почему тогда металла не хватало, а сегодня его много, он избыточный? Это вопрос в другой сфере, но мы-то ведь готовили тогда количество инженеров-металлургов и инженеров по обработке металла такое, что они были способны весь этот металл выплавить и переработать. Спрашивается: а что мы будем перерабатывать, когда мы выйдем из кризиса, какая будет структура нашей экономики, для которой мы должны сегодня опережающим образом подготовить специалистов?

И последнее, о чем я хотел сказать: хотим мы или не хотим, но три момента сложились в один: это переход на новую систему оплаты в вузах, это новая система приема в вузы и это экономический кризис. Что это означает? Сегодня все вузы разделились на три категории. Одни новую систему оплаты используют для того, чтобы размазать эту заработную плату между всем преподавательским составом, никого не уволив, не выгнав на улицу, и таким образом удерживают статус-кво. Вторые действуют по принципу избавления от тех, кто является балластом, повышают заработную плату ведущим, и таким образом на улице оказываются квалифицированные преподаватели. Реструктурирование вуза — это не реструктурирование рынка продовольственных товаров. Почему? Потому что из профессора — специалиста по шумерской истории очень трудно сделать хотя бы доцента в области IT. Поэтому чрезвычайно важно использовать имеющийся сегодня преподавательский состав для дополнительного образования. Мне кажется, все

нужно сделать для того, чтобы в вузах сосредоточить сегодня тех, кто ищет возможности для изменения своего профессионального поля. И вот я бы хотел всячески поддержать такие программы, которые позволят и сохранить вузы, и решить проблему подготовки специалистов в этих новых условиях. Спасибо большое.

Поминов А.И.

Добрый день, уважаемые коллеги, я, наверное, единственный, кто среди докладчиков выступает от регионов. Я постараюсь быть кратким и хотел бы сказать вот о чем. По некоторым оценкам, кризис достигнет своего максимума к лету этого года. И есть все основания полагать, что система образования может этому существенно способствовать. Вот наши оценки, которые мы получили у себя в республике, показывают, что до 15% выпускников всех уровней образования могут не найти своего места. Таким образом, к сентябрю этого года мы получим такую свечку в динамике роста безработных. Много или мало это для нас? Это очень существенно. На февраль месяц (я более поздними данными не располагаю) у нас в республике официально было зарегистрировано около 14 тыс. безработных. 15% от всего выпуска составляют примерно 14–15 тыс., т.е. рост в 2 раза сразу. Вот сегодня прозвучало предложение, оно уже давно обсуждается, — это использование системы образования в качестве «социального сейфа». Мы эту систему для себя рассматриваем, но с нашей точки зрения, на этом пути есть ряд препятствий, которые опять же надо обсуждать и которые в ближайшее время могут серьезно проявиться.

Первое — это единый государственный экзамен. Я совершенно никак его не оцениваю, ни хорошо, ни плохо, но если мы обратимся к цифрам прошлого года, то, насколько я помню, по математике у нас получили неудовлетворительные оценки около 20% в среднем по Федерации. Вот эти ребята в условиях нынешнего года имеют возможность не получить аттестат о полном среднем образовании, т.е. они в принципе не будут иметь возможности поступать ни в вузы, ни в техникумы. Следовательно, надо им что-то предлагать. Очевидно, что, как сегодня Ярослав Иванович говорил, вряд ли они пойдут в систему начального профессионального образования. Многие из них нацелены на получение высшего или среднего профессионального образования. Поэтому какую-то программу для них надо предлагать.

Второе препятствие, вернее, не препятствие... Многие выпускники учреждений среднего профессионального образования хотели бы обучаться по сокращенным программам в вузах, и соответственно выпускники начального профобразования — по сокращенным программам в техникумах. Действующая нормативная база позволяет это делать, но опять же, по нашим оценкам, не все образовательные учреждения готовы к этому. То есть сейчас надо очень эффективно, очень целенаправленно работать и с вузами, и с техникумами для того, чтобы они создание этих программ акти-

визировали. Тем более что наш мониторинг показывает, что они пока не очень в этом заинтересованы.

И третье обстоятельство: оно связано с правилами призыва в ряды Вооруженных сил. Поскольку отсрочка действует только один раз, то получается, что многие выпускники учреждений среднего профессионального образования, даже поступив в учреждения высшего профессионального образования, могут быть призваны в армию. В очень сильной степени это касается творческих специальностей, например цепочка музыкальная школа — музыкальное училище — консерватория. Практически 100%-й контингент может уйти в армию, и мы окажемся без этих ребят.

Теперь буквально два слова о тех возможностях, которые, с нашей точки зрения, открывают кризис и сложившаяся демографическая ситуация. Прозвучала сегодня уже цифра, что в среднем по Федерации спад численности выпускников учреждений общего образования составил 10%. В нашей республике он несколько больше — до 15% в этом году в силу ряда обстоятельств, как то: переход на 11-летнее образование и т.д. Итак, у нас в этом году около 70 тыс. выпускников всех уровней образования — общее и профессиональное. Из них продолжить обучение хотят около 30 тыс. человек. В то же время вся система профессионального образования предлагает 43 тыс. мест, причем это только бюджетные места, я о бюджетных местах говорю. И из этих 43 тыс. бюджетных мест 33 тыс. — это очное образование. Вот у нас появляется люфт, в пределах которого мы можем в принципе говорить о реструктуризации систем профессионального образования. Мы в этом направлении уже работать начали, и начали работать в системе начального профессионального образования. Причем есть такое заблуждение, что наиболее невостребованными оказываются выпускники высших учебных заведений. А наши оценки показывают, что примерно по всем уровням образования одна и та же цифра — около 20%. Поэтому эти возможности надо использовать. Мы должны занять внятную позицию и на уровне Федерации, и на уровне регионов по вопросу о том, поддерживать или не поддерживать те или иные учреждения профессионального образования. Спасибо.

Фурсенко А.А.

Это неправильно: меня пригласили сюда на экспертный совет — человека, в которого все-таки кто-то еще верит, что я могу быть экспертом. Как можно быть экспертом, когда первое, что делается, — это укладывается вокруг куча микрофонов? Я же понимаю, что все, что я скажу, будет трактоваться не как экспертное заключение, а как мнение министра, который завтра же начнет его реализовывать. Это плохо, потому что вы лишаете меня права высказать свою точку зрения, которая небезынтересна могла быть для экспертного сообщества. Тем не менее я все-таки свою точку зрения донесу, потому что я понимаю, что один из главных рисков будет заключаться в том, что это будет воспринято как официально

принятая и четко сформулированная задача, которую реализует в лучшем случае министерство, а в худшем случае — правительство и президент.

Вот я считаю, что принципиально неверно, как заклинание, твердить: «Мы должны сохранить систему высшего образования». Я очень благодарен вам за то, что вы сейчас сказали, потому что давайте мы все-таки будем думать о том, как сохранить экономику и социально-экономическое развитие страны. Давайте понимать, что система образования сегодняшняя в значительной степени... не в значительной, может быть, но в существенной степени привела к тому, что кризис, который разразился во всем мире, достаточно ощутимым образом затронул и нашу страну. Вот только что было сказано: «А для чего людей-то готовить?» Я бы сказал еще одну вещь: а кого мы готовим и сколько мы готовим? Вот я встречаюсь не только с ректорами (я прошу не обижаться на меня ректоров, присутствующих здесь, притом, что те цифры, которые я скажу, к ним в полной мере не относятся, хотя и затрагивают), я встречаюсь со студентами, встречаюсь в разных аудиториях, иногда с людьми, которые понимают, что они меня знают, но я их не знаю, поэтому они мне могут говорить правду. Вот я неоднократно задавал вопрос и давал свою оценку, сколько сегодня студентов в среднем по стране учатся. Учатся — значит пашут, вот пашут по полной программе так, как это считалось необходимым в нормальных вузах в 1960-х — 1970-х годах. 15–20%. Эта оценка достаточно оптимистична, это соответствует той численности студентов, которые учились во все времена в Советском Союзе. У нас учились примерно 20% выпускников школ, из них процентов 15–20 в зависимости от вуза — разгильдяи, часть из них вылетала, часть все-таки зацеплялась и как-то получала худо-бедно диплом, и это все-таки социологический фактор. И как бы мы ни меняли в общем систему образования, есть тяга к знаниям, она может увеличиваться, может уменьшаться, но, поверьте мне, сегодня не та ситуация, чтобы эта тяга резко коренным образом в стране увеличилась. Я бы сказал, что в 1960-х годах, когда был бум знаний, когда люди считали модным быть физиками, быть учеными, наверное, тяга к знаниям была больше. Потому что сегодня (не в стенах Вышки будь сказано) тяга быть экономистом не всегда означает, что это тяга быть ученым, быть высоким специалистом. В ряде случаев это тяга иметь соответствующую бумажку, именно это и компрометирует в максимальной степени экономику, которая, на мой взгляд, все-таки сегодня в России существует, так же как существуют юриспруденция и очень многие гуманитарные науки.

Вот смотрите, сегодня выступили несколько человек, выступил Андрей Иванович. Три вещи сказал. Все три друг другу противоречат.

Первое. Был у нас ЕГЭ в прошлом году, получили «двойки» по математике больше 20%. Ну, во-первых, они получили «двойки», потому что из них половина, просто воспользовавшись тем, что было «плюс один балл», сдавала чистые листы, привыкнув к халя-

ве и считая, что если они получают «тройку», то все у них здорово. Они даже и не хотели никакого другого способа, они хотели просто на халяву получить зачет. Если бы они знали, что халявы не будет, то, я думаю, большая часть из них этот экзамен сдала бы. Это разлагающее действие. Но дело не в этом. Вот мы представим себе, что часть из этих людей получила честную «двойку», потому что они ничего не знают. При этом заявляется, что они же не пойдут в ПТУ, они же в вуз хотят. Коллеги, о чем мы говорим? У нас впервые за долгое время появилась объективная оценка (может быть, не самая лучшая, я никогда не боролся за 100%-е качество результатов ЕГЭ), которая показывает, что есть определенное количество людей, которые ничего не знают и ничему не учились. При этом нам неудобно говорить о том, что им не место в вузе. Мы стесняемся это говорить, мы придумываем черт-те какие объяснения, почему нельзя делать ЕГЭ, почему надо допустить добровольность, вместо того чтобы честно сказать: у нас значительная часть людей в школах разучилась учиться и разучилась учить. И к сожалению, ЕГЭ, несмотря на все его слабости, показал однозначно, что это существует. Мы все от этого прячемся.

Вторая вещь. Мы говорим, что нам некуда трудоустроить людей. Они будут болтаться по улицам. И тут же заявляем: вы понимаете, у нас всего одна отсрочка, есть большая опасность, что после этой отсрочки люди попадут в армию. Как нам с этим бороться? Да никак не бороться. Если мы боимся, что они будут болтаться по улицам, то лучше, чтобы они попали в армию. А если они хорошо учатся и поступят в аспирантуру, то пусть они поступят в аспирантуру. Коллеги, давайте сами себе не противоречить.

Дальше. Вот вы называли падение платежеспособного спроса. Вы называли много разных проблем. Давайте вспомним главную проблему, которая была понятна четыре года назад и о которой никто не хотел всерьез думать, — демографический спад. Четыре года назад, и присутствующие здесь ректоры могут это подтвердить, на одной из первых моих встреч с Советом ректоров я сказал: «Коллеги, мы обсуждаем автономные учреждения, мы обсуждаем бакалавриат и магистратуру, мы не обсуждаем главное — демографический спад, который неумолимо приближается к нам». Вы говорите сегодня о том, как у нас за счет 4–5-летнего обучения изменится численность профессуры, преподавателей, забывая о том, что у нас в течение пяти лет число выпускников школы уменьшится вдвое — с 1 млн 300 тыс. в 2006 г. до 730 тыс. в 2012 г., и это неминуемо приведет к тому, что у нас будут не загружены преподаватели. Давайте к этой проблеме готовиться заранее, давайте менять структуру преподавания, давайте думать о том, что мы будем делать. Я еще раз говорю: присутствующие здесь ректоры в меньшей степени это чувствуют, потому что это действительно лучшие вузы. Но мы же понимаем, что это система в целом. Игорь Борисович, много ваших коллег всерьез об этом задумывались до прошлого года, когда платный прием впервые уменьшился на 15%? Мы же в высшем образовании работаем, мы же должны немного

отличаться от тех ребят, которые сдают то ли на «двойку», то ли на «тройку» ЕГЭ. К нам вообще другие требования должны предъявляться.

Я хочу сказать крамольную вещь: слава богу, что начался кризис. Потому что мы поняли... потому что это все равно пришло бы, но по крайней мере сегодня мы имеем определенные ресурсы, мы имеем возможность что-то вложить и что-то реструктурировать за счет накопленных ресурсов, мы уже имеем определенный опыт системных изменений в рамках нацпроектов, мы увидели, что в принципе из имеющегося количества учебных заведений профобразования начального и среднего мы можем выделить те, которые готовы к изменениям и которые хотят изменений, — слава богу, что именно в этот момент мы поставлены перед императивом, что надо что-то менять. И упаси бог, если мы сейчас начнем работать на удержание. Мы за четыре года, по-моему, в 2,5 раза увеличили бюджетное содержание одного места в высшей школе. При этом мы сохранили часть программ развития. Я могу вам сказать: да, мы шли на то, чтобы сокращать определенное базовое финансирование, сокращать определенные текущие расходы, но сохранять программы развития. И мы сохранили их, не в полном объеме, к сожалению, но сохранили. Почему? Упаси бог, если мы откажемся на сегодняшний день от программ развития. Это будет страшнее, чем что бы то ни было.

Поэтому я хочу сказать: главная антикризисная мера — перестать себя обманывать и уговаривать, что мы на удержание немного поработаем, а дальше все наладится. Не наладится. В том виде, в котором сегодня, ситуация не наладится, не может наладиться.

Я надеюсь, что по крайней мере этот результат ЕГЭ будет однозначно положительным: вот люди, которые совсем ничего не знают, они не смогут попасть в эти вузы. А те, кто будет что-то знать сегодня, с учетом наличия бюджетных мест — а бюджетных мест у нас в этом году будет 420 на 1000 выпускников, такого не было никогда в истории нашей страны, — я надеюсь, что эти ребята возьмутся за ум и начнут пытаться поступать туда, где они смогут получать знания.

Я могу сказать, что я настроен даже более оптимистично, чем некоторые наши выступающие, я считаю, что есть воля достаточно серьезная... Все-таки эту статью расходов пытаются сохранить, отчасти потому что есть воля руководства страны, а отчасти потому что люди понимают, что вообще учить надо. Если не учить, проблем будет больше.

Я прошу не рассматривать мое выступление как выступление официального лица, хотя где-нибудь мне обязательно отзовется то, что я сегодня сказал. Я считаю, что, тем не менее, мы эти проблемы должны обсуждать. И главное, мы должны думать о том, что мы будем иметь на выходе, ради чего мы все это делаем. Если мы все, что будем делать, будем делать для того, чтобы превратить образование в «камеру хранения», то тогда, извините, с другими людьми. Я как министр и мои коллеги в министерстве имеют прин-

ципиально иную позицию, и вряд ли они годятся для того, чтобы эту задачу превращения профобразования в «камеру хранения» решать. Точно нужны тогда другие люди. Но у меня ощущение, что все-таки руководство страны и, надеюсь, подавляющее большинство экспертного сообщества настроены на другое, на то, что мы можем и должны делать наряду с решением важнейших социальных задач — обеспечивать поддержку образования как важнейшего института развития. Спасибо большое.

Болотов В.А.

Первый момент, который я хотел бы отметить. На самом деле ситуация образования как «сейфа» и оппозиция «тюрьма, армия или школа», по крайней мере на мой взгляд, некорректны. Делая выбор из трех, понятно, за что будут голосовать. Ожидается, что в субъектах Федерации 10–15% ребят не получают аттестаты. И что бы ни говорили про математику, по русскому языку в наших национальных регионах тоже многие не получают. У меня были встречи совсем недавно с министрами образования, которые с тревогой ждут экзамена по русскому языку — по объективным причинам. И в этом плане что образование может сделать для решения этой проблемы? Это накладывается на экономический кризис, на безработных выпускников учреждений профессионального образования — и еще ребята, на получившие аттестаты. Я полностью согласен, что им не место в высшей школе, они не знают предметов. Но мы отвечаем за этот контингент или нет? Мы должны им дать профессию, востребованную на рынке труда, или нет? И этим озабочены все субъекты Федерации. На мой взгляд, в рекомендациях об этом нужно говорить — о новой, возникшей после введения ЕГЭ зоне риска, которая усугубляется в момент кризиса, — это выпускники школ, не получающие аттестатов. И субъекты Федерации должны планировать свои действия. Я знаю, что ряд субъектов Федерации уже начали этим заниматься.

Второе — по дополнительному образованию. В рекомендациях дополнительное образование сводится к поддержанию домов творчества. Уважаемые коллеги, я бы разорвал жесткую структуру учреждений и программы дополнительного образования. Это две разные вещи. Я вспомнил эксперимент, который Соборов делал в начале 1990-х годов, — по введению ваучеров в систему дополнительного образования детей. Я бы это рекомендовал, а не поддерживать дома творчества. Потому что дополнительное образование детей реализуется не только в домах творчества.

Дальше. Что такое повышение квалификации — то, которое финансируется из бюджетных средств? Например, институт усовершенствования учителей. Уходил бы я от поддержки институтов усовершенствования, переходил бы опять-таки к ваучерам в системе повышения квалификации. И инновационные школы, и университеты — вообще любой, кто имеет лицензию на дополнительное образование, — могли бы участвовать в конкурсе за головы учителей

и за ваучеры. А у нас опять там про ИПК промышленности написано, а про бюджетные ИПК нет ни слова.

И последнее, что я хотел бы сказать. Обновление корпуса на 10%. Пять вакансий на весь Санкт-Петербург. Такая же картина примерно в других субъектах Федерации: нет вакансий. Почему нет вакансий? Полторы-две ставки у учителя нагрузка. И второе — пенсионеры. И в этом плане не решаются проблемы, потому что муниципалитет принял решение отправлять на пенсию всех учителей по достижении пенсионного возраста, но их переводят на всякие другие работы в системе образования. Пока мы не решим эту проблему, никакие талантливые студенты... Да они не нужны сегодня системе в ситуации кризиса! Поэтому мое пожелание — 10% без разработки конкретных рекомендаций.

И самое последнее: я против категорически передачи колледжей в систему университетов без наличия в программе этих университетов развития начального и среднего профессионального образования. Спасибо.

Рязанцева Н.В.

Уважаемые коллеги, я тоже являюсь представителем регионального вуза, причем медицинского. И я, наверное, скажу крамольную вещь, крамольный тезис, что в условиях кризиса у медицинского университета всегда найдется абитуриент. Но такова специфика медицинского образования. С другой стороны, качество абитуриентов, которые поступают сейчас в вузы. Проблема, которая сейчас реально существует с медицинскими вузами: мы не получаем никакого сигнала со стороны бизнеса в области разработки медицинских биотехнологий и со стороны фармацевтической отрасли. Вот за кадром остается еще одна проблема: а может быть, вузы и не способны сейчас разрабатывать новые образовательные программы и научно-технологические позиции, которые бы устраивали бизнес и экономику. Вот в этой ситуации в Томске мы сейчас на старте формирования сети исследовательских университетов. Мы провели подготовку, направленную на разработку так называемой идеологии создания стратегического альянса ведущих университетов. Это классический университет, политехнический университет, Сибирский медицинский и ТУСУР. А логика проста: мы готовы участвовать в конкурсе национальных исследовательских университетов с точки зрения создания консорциума, который бы решал проблемы генерации знаний, подготовки кадров и разработки технологий на стыке наук. И при этом объединить наши лучшие кадровые ресурсы, лучшую инфраструктуру, материально-технические ресурсы для того, чтобы в конечном счете достичь не целевого финансирования конкретных учреждений, а осуществления научно-технологических и образовательных проектов, которые могли бы дать хороший результат, как нам представляется, в будущем. Ну а для того чтобы нам реализовать эту идею, конечно же, требуются новые нестандартные законодательные решения по участию консорциума в таком конкурсе. Хотя

я сразу же скажу, что мировые примеры подобного участия есть — это и Ирландия, и Париж, и в общем-то результат есть очевидный. Такая позиция сейчас в Томске разрабатывается, и вот мне бы хотелось довести до вашего сведения.

Рачевский Е.Л.

Спасибо. Вы сейчас очень хорошим примером проиллюстрировали как раз программы развития в условиях, когда продолжается реструктуризация сети как реакция на вызовы времени. Если вам не трудно, давайте тогда письменные предложения редакционной группе, чтобы было над чем работать с точки зрения доведения материала до соответствующего уровня.

Левицкая А.Ю.

Уважаемые коллеги, у меня было время не только послушать докладчиков, но и посмотреть материалы, которые всем присутствующим розданы. Из этих материалов можно сделать такой вывод, что сегодня это некая дискуссия, и эта дискуссия должна завершиться в дальнейшем, потому что — во всяком случае из тех материалов, которые передо мной лежат, — речь идет только о том, что нужно создать рабочую группу, и эта рабочая группа должна выработать некие предложения и направить их правительству. В связи с этим мне кажется, что это очень правильная задача, хотя, честно говоря, я предполагала, что вот это высокое собрание какие-то рекомендации сможет выработать. Я со своей стороны хочу вас проинформировать, продолжая то, что сказал Андрей Александрович Фурсенко. Во-первых, тема образования в период кризиса, выхода из кризиса сейчас находится в системе приоритетов правительства. И это не просто слова, это такая текущая работа, и в том числе тема образования рассматривается в составе именно антикризисных мер правительства. При этом когда в правительстве обсуждается этот вопрос, то сам факт того, что расходы на образование не снижаются, а увеличиваются в этих условиях, конечно, все мы понимаем, — это и есть проявление соответствующего внимания к системе образования.

Само название сегодняшней темы — «Образование в условиях кризиса» — может восприниматься двояко. И у меня сложилось впечатление, что выступающие делали два акцента. Первый акцент — то, что будет в самой системе образования в связи с кризисом и в связи с сокращением соответствующих бюджетных расходов. Коллеги, всем понятно, что будет ровно то же, что и во всех отраслях экономики. И нужно соответствующие структурные изменения осуществлять — и в каждом конкретном образовательном учреждении, и в самой системе. Это совершенно понятно, и, видимо, для этого собрались, чтобы эту тему обсуждать.

А вторая составляющая этой темы звучала, но почему-то не очень как-то акцент на ней был сделан. Дело в том, что невозможно никого нигде законсервировать, дело в том, что всем тем, кто обучается или будет обучаться, надо все равно выходить уже в эко-

номику и быть адекватными соответствующим запросам. Уже сегодня правительство объявило программу, она реализуется, на нее предусмотрены деньги из федерального бюджета существенные, я в данном случае говорю о программе, которую разворачивают регионы по содействию ситуации на рынке труда, — там значительные образовательные компоненты. И мы должны получить адекватные программы. Вот здесь самое важное сейчас... Я понимаю, что очень важна вот эта дискуссия: какие у нас поступают ученики, как они поступают в вузы. Но есть другая составляющая. Сегодня контингент высшей школы, и не только высшей, а вообще профессионального образования, — это люди, которые в силу изменений в экономике должны получить новую ориентацию профессиональную. Это, в общем-то, гораздо более обширная категория, и здесь нужны соответствующие программы. И мы, естественно, сейчас рассматриваем и финансирование таких программ, но они должны быть подготовлены. Вот есть такая программа (напоследок на ней акцент хотелось бы сделать) подготовки управленческих кадров. Некоторые из присутствующих знают о ней. Она вообще, на мой взгляд, очень хорошая модель, как должна быть выстроена система образования. Там все привязано к человеку. Одна проблема: мы ее за последнее время снивелировали, снизив требования к тем, кого мы там готовим. Вот эту ситуацию нужно менять.

Итак, мне бы хотелось пожелать, чтобы сегодняшнее обсуждение закончилось не просто предложением создать рабочую группу и дать некие предложения правительству. Дело в том, что все это нужно делать очень быстро. У нас совершенно нет времени, Ярослав Иванович, эти предложения должны возникнуть буквально в течение следующей недели. И они, собственно, должны быть ориентированы, извините, не на «фантомные боли». У меня такое впечатление, что я сейчас нахожусь в ситуации — «Ну да... Сейчас всем тяжело» — вот таких фантомных болей. Сейчас другая совершенно ситуация. В нее надо встраиваться, в эту новую ситуацию, с пониманием того, что бюджет просто никакого уровня так платить уже не сможет и не будет. Спасибо.

Кузьминов Я.И.

Спасибо, Александра Юрьевна. Как вы понимаете, у нас есть предложения, и мы значительную часть этих предложений — и Академия народного хозяйства, и Высшая школа экономики — направляли с цифрами и конкретными мерами в ваш адрес уже несколько месяцев назад, по-моему, два месяца назад. Конечно, мы доделываем наши предложения в плане их актуализации, это, безусловно, будет. Но очень важно иметь точку зрения, которая выходила бы за рамки воззрений Ярослава Ивановича и Татьяны Львовны и их друзей и соратников. Мы, собственно, для этого и возобновляем сейчас деятельность РОСПО. Да, наверное, это будет несколько позже — вот такого рода документ, может быть, через три недели, но я надеюсь, что он сможет продвинуть нас серьезно вперед. Что же

касается быстрого реагирования, наверное, мы быстро тоже среагируем на этой неделе.

Зернов В.А.

Ярослав Иванович, прежде всего огромное спасибо за интересный прогноз. Но есть такой нюанс: мне кажется, что существенно меньше пострадают те вузы, у которых есть достаточно развитый технопарк и система предприятий. Я могу привести несколько таких примеров, когда существенная часть доходности технопарков и соответственно вуза идет именно за счет разработок. Что касается предложений, которые здесь у нас попросили представители министерства, мне кажется, нужно поддерживать именно эти вузы, потому что это и есть фактически кластеры постиндустриальной экономики.

И еще два предложения. Предложение первое — по поводу смягчения. Ярослав Иванович, мне кажется, очень правильно поставил вопрос. Неоднократно осуждалась эта проблема — создание холдингов или консорциумов в системе образования. Особенно это актуально и для частного и государственного партнерства, и для негосударственных вузов. Совершенно верно здесь отмечено в проекте решения, я его поддерживаю, что действительно будет банкротство ряда вузов, — что делать со студентами? Это колоссальная проблема.

И последнее. Мне кажется, что проблемы решатся тогда (хочу поддержать Геннадия Алексеевича Бордовского), когда государство из спонсора образования превратится в его инвестора, тогда и проблемы будут решаться по-другому.

Кузьминов Я.И.

Володя, я честно тебе скажу, я думаю, что... По нашему анализу, те вузы, в которых есть технопарк, нуждаются сейчас в государственной поддержке, потому что эта сеть технопарков завязана на платежеспособность реального сектора, который сейчас сжался.

Балыхин Г.А.

Добрый вечер, уважаемые участники заседания. Я хочу сказать, что настоящее высокое собрание — это не первая дискуссия, в которой я принимаю участие, связанная с выходом системы образования из кризиса. Государственная Дума 20 февраля приняла постановление, в котором утвердила заявление Государственной Думы по выходу российской экономики из кризиса, в него пять положений вошли по системе образования. 10 марта мы провели расширенное заседание комитета Государственной Думы по образованию, где рассматривали меры по выходу системы образования из кризиса и минимизации влияния кризисных явлений на посткризисную ситуацию в системе образования. И наконец, по инициативе «Единой России» недавно проводился круглый стол с участием и студентов, и ректорского сообщества в Институте ста-

ли и сплавов, где обсуждались инициативы Президента РФ по поддержке наших студентов.

Я хочу, долго не занимая вашего времени, сказать о том, что красной нитью во всех этих дискуссиях проходили два принципиальных вопроса. Вот как бы мы ни говорили о том, что нельзя допускать, чтобы высшая школа и наши учреждения профессионального образования стали «камерой хранения», но, тем не менее, Министерство образования и науки РФ делает все для того, чтобы не сокращать контингент студентов. Контрольные цифры приема на этой год в общей своей массе сохраняются. А что касается поступления в магистратуру и аспирантуру, то здесь происходит увеличение. Но вот количество студентов, которое назвал Андрей Александрович, на 1000 выпускников — это беспрецедентно большой показатель, потому что в советское время у нас было не 480, а всего 130 студентов на 1000 выпускников. Вот и давайте сравнивать. Поэтому здесь есть некоторое противоречие: с одной стороны, мы говорим, что высшая школа — это не «отстой», и неважно, что будет с нашими студентами, с другой стороны, я считаю — не без поддержки нашего комитета, что делается все для того, чтобы в это кризисное время количество студентов у нас не уменьшалось, а увеличивалось.

Все-таки мы сегодня, наверное, должны в решении РОСПО и нашего заседания записать, что мы одобряем инициативы президента, направленные на поддержку студентов, тех, кто учится с полным возмещением затрат. Прежде всего речь идет об образовательном кредите. Вы знаете, что есть постановление правительства, в соответствии с которым проводится этот эксперимент, министерство уже вместе с агентством разработало предложения по внесению изменений и по упрощению системы образовательного кредита и улучшению ситуации для наших студентов. Я считаю, что в рамках проведения этого эксперимента мы не должны забывать о целевой контрактной подготовке, которая дает возможность не только поддерживать материально студентов, но и решать вопросы трудоустройства.

А также, наверное, есть смысл — и я хочу, чтобы мы тоже это обсудили, — вернуться к системе возвратных государственных субсидий, которыми мы занимались еще в старом министерстве в 2002 г. Эта система также дает возможность решать вопросы с трудоустройством, поскольку возвратная субсидия направлена на то, что, если выпускник не отработывает положенные три или пять лет, он эту субсидию возвращает. Если отработывает, то эта субсидия не возвращается. Если он часть отработывает, а часть — нет, то неотработанная часть компенсируется.

Здесь же проблема фиксации цены обучения для контрактных студентов на весь период обучения. Причем, если правильно понять инициативу президента, без учета индексации. Я хотел бы, чтобы мы на этот счет тоже высказались, особенно ректорский корпус, поскольку очередной, девятый съезд, который пройдет 20-го числа, должен принять на этот счет решение. Вопрос рас-

срочки платежей, которую должны предоставлять наши ректоры. И вопрос, который сегодня уже звучал, — это перевод контрактных студентов на вакантные бюджетные места. Наверное, правильный подход министерства и агентства в том смысле, что увеличиваются контрольные цифры приема. Единственное, на мой взгляд, на что здесь нужно обратить внимание, — чтобы, увеличивая контрольные цифры приема и их сохраняя, решать вопрос перераспределения их на курсах, потому что сразу вопрос коснется старших курсов, причем бюджетные студенты, которые учатся на «тройки», понимая, что их место может оказаться вакантным, будут стараться учиться хорошо, не создавая вакантные места.

И второе — это завершение строительных объектов профессионального образования, имеющих высокую степень готовности. Вот, насколько я знаю, сейчас министерство и агентство часть объектов из федеральной инвестиционной программы исключают под тем предлогом, что якобы средства уходят из системы образования, но я поддерживаю Андрея Александровича, что в кризисное время мы не должны забывать о программах развития. Если мы говорим о том, что из себя будет представлять система образования в послекризисное время, мы не должны забывать о развитии материально-технической базы. Поэтому я бы просил и буду ставить этот вопрос на секции девятого съезда, мы постараемся внести это решение, чтобы здесь действительно не упустить этот момент: чтобы те стройки, которые имеют высокую степень готовности, остались в федеральной адресной инвестиционной программе. Спасибо большое.

Кузьминов Я.И.

Я хотел бы пару слов сказать относительно того, о чем Григорий Артемович выступил, потому что это совершенно конкретные предложения, лучше не терять вот этих вещей. Во-первых, я целиком бы поддержал идею относительно образовательного кредита — ну, собственно говоря, мы и делали со Сбербанком такого рода модель. Но сейчас реально у нас ситуация ведь какая, коллеги? Минфин выделил на это достаточно ограниченные деньги в этом году, и речь идет о том, что этих денег с трудом хватит на те вузы, которые сейчас в эксперименте. Это хорошие вузы, никто не против них, но если мы серьезно хотим подойти к этому вопросу, наверное, все-таки нам надо увеличивать в 3–4 раза масштабы этого кредита, и имело бы смысл этот вопрос нам тоже поднимать на всех уровнях. Я целиком поддерживаю предложение вернуть систему ГВС, по-моему, это очень хорошая форма, и очень жаль, что мы не смогли ее тогда отстоять, но надо упорство проявлять, мне кажется, что прямых противников этого дела нет, и некоторые возражения минфиновских коллег формальный характер носили.

Относительно фиксации цены — здесь совершенно однозначно, что все будет зависеть от уровня инфляции. Пока у нас уровень инфляции между 15 и 20%, ни один нормальный руководитель не пойдет на фиксацию с отказом от индексации. Просто это

приведет к иррациональным вещам типа дикого завышения цены. В общем, ничего хорошего от этого не произойдет. А вот рассрочка платежей, перевод контрактников на вакантные бюджетные места — мы готовы передать Высшей школе экономики, в других ведущих вузах, здесь представленных, есть просто хорошие нормативные акты. Все это прозрачно, зафиксировано, и люди знают, за что бороться. Большие скидки: университет тоже должен платить за качество своих студентов, если студент учится прекрасно и явно укрепляет нашу репутацию, почему нам 50% с него не скостить? Это вполне реальные инструменты.

Относительно строительных объектов. Строительный объект, коллеги, мне кажется, надо делить на две части. У нас есть явная перегрузка объектами и вообще учреждениями в нашей системе, но есть и явный дефицит — это дефицит современных общежитий. Мы абсолютно неконкурентоспособны на мировом рынке, к нам просто никто не приедет в наши свинарники. Надо четко понимать: если мы ставим вопрос международного позиционирования нашей системы, у нас должны быть современные нормальные общежития квартирного типа с Интернетом, с локальными кухнями и т.д. Без этого ни мобильности у нас нормальной не будет, ни включения в мировое сообщество. Вот эту позицию, мне кажется, мы можем защитить.

В целом, если идти, там что-то можно спрятать, но вот с такого рода лозунгом можно идти, и я готов его отстаивать, потому что это действительно беда некоторая нашей системы образования.

Федоров И.Б.

Уважаемые коллеги, это не свинарники, конечно, их просто мало, этих общежитий. И была программа строительства общежитий, и она была еще до кризиса заморожена. И как ее оживить — это надо думать. Потому что ЕГЭ как средство повышения доступности тоже, кстати, не работает, как было задумано, из-за недостатка общежитий.

Теперь по фиксации цены. Мы не можем в государственных учреждениях назначать стоимость обучения меньшую, чем стоимость бюджетного студента за вычетом стипендии, общежития и прочих социальных льгот. На сегодня это где-то в районе 80–100 тыс. руб. в год — государственная цена бюджетного студента. Но если мы ее заморозим, уже Ярослав Иванович сказал, при 15–20%-й инфляции вузы просто обанкротятся. Поэтому здесь нужно как-то подумать, как правильно сформулировать: все в принципе понятно и, наверное, правильно, но мы сталкиваемся здесь с противоречием. Спасибо.

Булаев Н.И.

Уважаемые коллеги, я просто для справки некоторые суждения. Что касается строительства, то мы на самом деле из федеральных адресных инвестиционных программ ни одного объекта не выбросили, мы сконцентрировали деньги в этом году на пуско-

вых объектах, и это позволит нам ввести 27 лабораторных корпусов и 18 общежитий. Я надеюсь, мы в этом году это сделаем. Что касается следующего года, время покажет, что нам делать.

Что касается цены на обучение. Естественно, те, кто зафиксирует цену, в этом году не наберут внебюджетников, и понятна тенденция, которая уже началась в вузах агентства, — речь идет о снижении цены, причем достаточно существенном. У нас возникнет другая коллизия: что мы будем делать со студентами, которые учатся на старших курсах и будут платить больше, чем студент, поступивший на первый курс? Кто не снизит цену, в этом году не наберет никого. Время покажет, прав я или не прав.

Что касается субсидий возвратных, ну, наверное, это идея хорошая и правильная, но в режиме развития экономики. В нынешнем режиме мы не можем предложить 60%, а то, может быть, и большей доле своих выпускников ни одного рабочего места. То есть мы должны взять деньги назад. Мне кажется, идея сама по себе хорошая, но не в условиях кризиса. Спасибо.

Ушаков К.М.

Я только хотел напомнить, что есть очень симпатичное определение кризиса, которое давал Пригожин: «Кризис — это ситуация, в которой ресурс исчерпан и нужно искать другой ресурс». По тому разговору, который здесь сегодня идет, есть ощущение, что ресурс, который исчерпывается, — это деньги, и мы должны восстановить эту ситуацию. У меня есть сильное подозрение, что деньги, о которых сегодня говорили, довольно вторичные, потому что, если бы кризис системы образования начался вместе с падением Связьбанка — первого банка, который упал, — я бы понял, что кризис, о котором мы говорим, действительно связан с финансовым кризисом, но ведь в образовании кризис начался намного раньше. И денежный flow только затушевывал эту ситуацию. И флер национального проекта на самом деле радикально ничего в системе образования не изменил. Можно будет говорить все-таки рано или поздно о том, какой реально ресурс исчерпан. Это не денежный. У системы есть совершенно другие проблемы. Для меня это представляется важным. И потом, как только мы начинаем говорить о нехватке денег как главной проблеме образования, мы сейчас же переходим на ручную модель управления кризисом, решения кризиса. Мне бы хотелось в постановлении видеть более общие подходы. Главное — какой ресурс мы исчерпали и на какой мы рассчитываем. Спасибо.

Лившиц В.Б.

Уважаемые коллеги, во-первых, я тоже посмотрел те предложения, которые изложены в проекте, полностью их поддерживаю. Действительно, надо создать рабочую группу, потому что вопрос этот с точки зрения отрасли очень сложный и одним круглым столом и одной дискуссией его, безусловно, решить нельзя. И хотелось бы отнестись к вопросу о студенчестве. Сегодня все как бы

топчутся вокруг этого вопроса. Я все-таки к истокам хотел бы вернуться. У нас платное образование-то почему появилось? Потому что не хватало бюджетных средств на обучение. И сегодня, когда мы начинаем разговор «давайте его уменьшать», — давайте его уменьшать, только тогда вузам мы должны дать деньги, чтобы они вместе с уменьшением платного набора не потеряли себя. И проблема у нас не в том, много мы учим или мало учим, а проблема в том, что у нас нет средств на высшее образование. И здесь не надо телегу пристегивать впереди лошади.

Сегодня все говорили о высшем образовании. Несколько слов все же об общем образовании. Сегодня проблема уже есть в регионах. Ее нет в наших столицах, но в регионах она уже есть. И то поступательное движение, которое началось во время реализации Комплексного проекта модернизации образования, сегодня может прийти в возвратное состояние, если мы не будем решать вопросы... У нас, с одной стороны, хорошая ситуация, мы можем решить действительно вопросы в регионах кадровые на фоне общего кризиса, и в школы сегодня приходят люди. Но если мы начнем не с повышения зарплат — а у нас идет реформа и системы оплаты труда, и финансирования, — а с понижения, что возможно? Какой здесь выход? Может быть, хотя бы во время кризиса мы наконец прекратим эту дурость связи бюджетов, когда мы все же перейдем на федеральные субвенции, когда мы сможем поддержать нормально региональные бюджеты? Те трансфертные вещи, которые сегодня только Минфин понимает, говорят о том, что у нас сегодня учителя не России и даже не Ярославской и Ростовской области, а муниципалитета — там-сям. А если говорить о дошкольниках, то просто прямая зависимость от муниципалитета. И здесь сегодня вопросы межбюджетных отношений именно надо рассматривать как антикризисные меры. И поэтому у меня такое предложение, Ярослав Иванович, чтобы этот вопрос был еще раз проанализирован. Спасибо.

Зверев С.А.

Я хотел сказать, что когда в 2001 г. все это дело затевалось, то на первых заседаниях мы обсуждали постоянно одну и ту же тему — кризис системы образования. Это означает, что сейчас мы обсуждаем влияние мирового финансового кризиса на кризис в системе образования. Поскольку исходя из того, что было слышно во второй части нашего обсуждения, стало понятно, что никуда мы не делись от кризиса в самой системе образования, но здесь еще добавился финансовый кризис.

РОСПО всегда отличался тем, что мы старались быть достаточно прагматичными. Я по поводу документа, который у нас предложен. Здесь на четвертой странице есть фраза: «Мы исходим из сценария, при котором спад и рецессия в российской экономике будут продолжаться весь 2009 г. и первую половину 2010 г.» Мне кажется, что Высшая школа экономики, где мы находимся, наверное, обладает каким-то сокровенным знанием в этом смысле на-

счет времени кризиса, но очевидно, что если мы хотим действительно сделать документ, который был бы полезен, то мы, наверное, должны делать как минимум два сценария. Это сценарий, когда кризис продолжается до середины 2010 г., и сценарий, когда кризис продолжается несколько дольше. Это мое первое замечание.

И второе замечание: как мне представляется, сам документ нужно достаточно существенно переработать по причине того, что сами рекомендации... Для того чтобы их поймать и прочесть, нужно очень глубоко вчитываться. Очевидно, что документ должен быть структурно переработан.

Духанина Л.Н.

Я хочу продолжить тему дополнительного образования в части дошкольного и школьного образования. Мне кажется, при доработке этого документа необходимо сделать какой-то отдельный абзац, потому что в документе речь идет только о дополнительном образовании в части вузовского образования.

Почему именно об этом? Потому что дополнительное образование для детей дошкольного и школьного возраста в России на 80% обеспечивается за счет не бюджета, а средств родителей. И кризис в этой системе начался более двух лет тому назад, когда наше государство передало ряд прав в субъекты Федерации, и все негосударственные образовательные учреждения, которые занимаются различными кружками, секциями, получили дополнительные налоги — налог на землю и налог на имущество. Вот с этого момента начались проблемы. Далее они осложнились ростом арендных платежей, ростом коммунальных услуг, и мало кому в России удалось доказать, что негосударственный центр дополнительного образования имеет право получать электроэнергию по государственному тарифу образовательных учреждений. В декабре этого года мы выборочно взяли несколько регионов и сделали прозвон с целью выяснить, какое же количество дополнительных образовательных услуг осталось в регионе. В выбранных регионах было сокращено все, кроме танцевальных кружков. Все остальное, что связано с инженерным творчеством, с языковой подготовкой, реально в регионах уже не действует. В связи с этим я в качестве антикризисной меры предлагаю очень простую вещь: обеспечить гарантии конституционных прав и обратиться к Государственной Думе, к Совету Федерации, к правительству и рекомендовать регионам гармонизировать законодательство региональное и привести законы, которые действуют в регионе, в соответствие с нашей Конституцией. Спасибо большое.

Черторицкая Т.В.

Меня зовут Черторицкая Татьяна Владимировна, в прошлом функционер в области образования. Я хотела бы задать уважаемому собранию один вопрос: я считаю, что все наше образовательное сообщество должно задуматься, чему новому нужно научить

людей в условиях кризиса, чтобы они сами могли справляться с теми проблемами, которые есть. В связи с этим я считаю, что нам нужно разработать пакет предложений новых курсов, курсов для переквалификации и т.д., и вот только тогда наш разговор будет предметным.

Уважаемое сообщество почему-то совершенно исключает такой очень важный сектор, как сектор неправительственных организаций, которые сейчас очень активно работают. Например, сейчас существует так называемый профсоюз домохозяек, более 40 тыс. человек он объединяет, на 70% это люди с высшим образованием, и им как воздух нужны новые курсы. Спасибо.

Кузьминов Я.И.

Коллеги, мне кажется, что сегодня мы выслушали много совершенно конкретных предложений, иногда они были конфликтны по отношению друг к другу, но не во многих случаях.